
Анна Корская
НЯНЯ для дочки ГЕНЕРАЛЬНОГО

Анна Корская

Няня для дочки Генерального

«Валентина Гордова»
2026

Корская А.

Няня для дочки Генерального / А. Корская — «Валентина Гордова», 2026

– Тётя хоёсая! Давай её домой заберём? Я с улыбкой жду, что новый босс мягко откажет своей лапке-очаровашке, но суровый мужчина совершенно серьёзно говорит: – Я тоже об этом думаю. – Правда?! – радостно восклицает малышка. – Правда? – в шоке выдыхаю я, уронив челюсть. – Мы очень нуждаемся в няне, – говорит мужчина, пронизывая меня насквозь пристальным взглядом. – Судя по характеристике, вы стрессоустойчивая, ответственная и находчивая. Подходит. Мы вас забираем.

© Корская А., 2026
© Валентина Гордова, 2026

Содержание

Аннотация 5
Глава 1 6
Глава 2 9
Глава 3 11
Глава 4 13
Глава 5 16
Глава 6 19
Глава 7 21
Глава 8 24
Глава 9 27
Глава 10 30
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Анна Корская
Няня для дочки Генерального

Аннотация

– Тётя хоёсая! Давай её домой заберём?

Я с улыбкой жду, что новый босс мягко откажет своей лапке-очаровашке, но суровый мужчина совершенно серьёзно говорит:

– Я тоже об этом думаю.

– Правда?! – радостно восклицает малышка.

– Правда? – в шоке выдыхаю я, уронив челюсть.

– Мы очень нуждаемся в няне, – говорит мужчина, пронизывая меня насквозь пристальным взглядом. – Судя по характеристике, вы стрессоустойчивая, ответственная и находчивая. Подходит. Мы вас забираем.

Глава 1

– Ты что делаешь?

Я отрываюсь от монитора и удивлённо оглядываюсь.

Голос детский.

Что делать ребёнку в директорской приёмной крупнейшей в стране строительной фирмы?

Наверно, у меня на фоне стресса нервы совсем расшалились. Чудится всякое.

Я почти верю в то, что голос мне послышался, как вдруг какое-то движение привлекает моё внимание.

Я опускаю голову и удивлённо хмыкаю.

Нет, не привиделось.

У моего рабочего стола в самом деле стоял ребёнок.

Девочка. Лет четырёх.

Красивая до безумия. Как ангелок.

Кожа розовенькая, личико сердечком, белокурые спутанные кудряшки падают на спину, плечи, грудь и закрывают половину лица.

А глаза у неё такие необычные, очень тёмные. Хотя, казалось бы, должны быть голубые или серые. Но ей идёт.

– Принцесса, ты откуда? – смеюсь я, тяну руку и кончиками пальцев отвожу кудри от её лица.

Девочка громко выдыхает, чтобы сдуть волосы, но они тут же падают обратно на нос.

– Я с папой, – важно говорит она.

Ну, понятно. Кто-то из коллег притащил дочку в офис.

Бывает, что уж.

Но я успеваю заметить какие-то странные ярко-розовые и рыжие пятна у неё на носу и щеках.

Я подаюсь ближе, снова отвожу волосы в сторону и фыркаю от смеха.

– Кто тебя так? – спрашиваю, разглядывая следы от маркеров на детском личике.

– Дядя Коля! – сопит девочка. – Он не хотел делиться класивыми бумажками!

– И разрисовал тебя? – я едва сдерживаю смех.

– Он отбивался, – обиженно пояснила она.

– А что у тебя с волосами? – мне так смешно от её забавного вида.

И одновременно с этим в груди сосёт и всё сжимается.

У меня могла быть такая же очаровашка. Крохотная куколка.

– Папа завязывать не умеет, – жалуется малышка.

– Иди сюда, – зову я, доставая из ящика стола расчёску, пару резинок и косметичку. – Тебя как зовут?

– Оливка, – девочка вообще без тени сомнения обходит стол, приближается и садится ко мне прямо на коленки.

– Оливка, – насмешливо повторяю я. – Оливия, что ли?

– Да, – важничает она. – А тебя?

– Полина, – я осторожно прохожусь расчёской по мягким, почти шёлковым локонам.

– А кем ты лаботаешь? – любопытствует малышка.

Я вжимаю уголки рта в щёки, сдерживая улыбку.

– Я секретарь генерального директора. Ты знаешь, кто такой генеральный директор?

– Неа, – она по этому поводу ничуть не переживает, с любопытством разглядывая открытые окна в моём компьютере.

Я быстро и ловко завязываю Оливке два высоких аккуратных хвостика. Кудряшки в них так очаровательно выглядят. Ну загляденье просто, а не ребёнок!

Потом, развернув её, достаю ватные диски, смачиваю их мицеллярной водой и бережно прохожу по коже ребёнка.

– Генеральный тут самый главный, – я напускаю в голос побольше важности.

А ребёнок вдруг весело восклицает:

– Мой папа – самый главный!

– Я не сомневаюсь, – заверяю с улыбкой.

И сердце снова сжимается так сильно, что трудно сделать следующий вдох.

Как же малышка любит своего отца. Он для неё – главный мужчина в жизни. Самый лучший и самый важный.

Я тоже мечтала, что мои дети будут так говорить про своего отца, но...

Пока я пытаюсь прийти в себя, Оливия ёрзает у меня на коленках и просит удивительно вежливо:

– Можно мне попить, пожалуйста?

– Давай сначала отмоемся, а потом чай? – предлагаю ей.

Она ответственно кивает и спокойно сидит, позволяя мне отмыть маркер. А потом тыкает в сторону моей косметики и звонко говорит:

– Блестит! Я тоже хочу! Можно?

Я смотрю на декоративные блёстки для грима. Как они попали в мою косметичку? Я их купила месяц назад, чтобы накрасить племяшку на выпускной из четвёртого класса.

Безопасно для детей.

Почему бы и нет?

Вручив Оливии зеркальце, я ответственно украшаю верх её пухленьких щёк блестючками.

– Уау! – тянет она с восторгом.

– Рада, что тебе нравится!

Я быстренько организовываю чаепитие, позволяя ребёнку выбрать, что конкретно она хочет. А потом к её радости я показываю свои стратегические запасы вкусняшек.

Я думала, она начнёт хватать всё подряд, но Оливия внимательно оглядела сладости в ящике и воспитанно вытащила шоколадный батончик с орешками.

И больше ничего.

– А кто твой папа? Как его зовут? – интересуюсь я, когда мы сидим на кожаном диванчике у панорамного окна с видом на город с высоты шестнадцатого этажа.

– Он...

– Оливия! – твёрдый мужской голос за спиной заставляет вздрогнуть меня, но не девочку.

– Ой, папочка! – она расплывается в широкой счастливой улыбке, соскальзывает с диванчика и несётся к двери.

Я оборачиваюсь и невольно задерживаю дыхание.

Мужчина в дорогом деловом костюме занимает собой весь дверной проём.

Он высоченный и широченный. Натуральный шкаф. Как на него костюм налез? Почему он по швам не трещит?

Приятным дополнением к мускулистому телу идёт лицо незнакомца. Он напоминает греческого бога и зарубежного актёра одновременно.

Очень красивый. Суровый и серьёзный, но красивый. Волосы тёмные, щёки гладко выбриты, нос с красивой горбинкой. А глаза тёмные-тёмные.

Как у Оливии.

Ангелочек подбегает и вскидывает руки.

Мужчина тут же, не задумываясь, наклоняется и подхватывает ребёнка, поднимает и прижимает к груди.

Движения у него уверенные. Он знает, как держать ребёнка.

Никогда бы не подумала, что у такой очаровашки вот такой громадный суровый отец...

Но выглядят они довольно забавно.

Он, всем своим видом так и кричащий о влиянии, подавляющий одним взглядом, в дорогущем костюме и с приятным морским парфюмом.

И крошка в розовом платье с двумя хвостиками у него на руках. Она кажется вообще малышкой, прямо как куколка, в этих огромных ручищах.

Мне даже становится страшно, как бы он её не раздавил.

Пока я разглядываю их, а мужчина медленно и внимательно разглядывает дочь, Оливия птичьим щебетом рассказывает папе о том, что с ней случилось.

Как Коля её разрисовал, как она гуляла и разглядывала город и как вышла ко мне. Что я её причесала, умыла, красоту ей на лице сделала и угощала вкусняшками.

– Класиво? Папа, смотри! Класиво? – она вертит головой так и так, показывая поочерёдно обе щеки с блёстками на них.

– Красиво, – серьёзно говорит мужчина, переводя взгляд на меня.

Не знаю, что он хочет сказать, но тут из коридора слышатся громкие быстрые шаги и запыхавшийся женский голос:

– Ой, Михаил Аркадьевич, её нигде нет! Ну хулиганка, опять она!..

Женщина забегает в мою приёмную и резко закрывает рот.

Я её не знаю. На вид ей лет пятьдесят, крупное тело, низкий рост и растрепавшиеся светлые волосы в кульке на затылке.

Они с Оливией сталкиваются взглядами.

Я вижу, что девочке эта женщина совсем не нравится. Она вся сжимается на руках у отца и хмурится.

– Оливия нашлась, Лариса Владимировна, – холодным, пронизывающим до костей голосом произносит мужчина, награждая женщину тяжёлым взглядом. – Благодарю, но ваши услуги моей семье больше не требуются. Вы можете быть свободны.

– Но... я...

Он не слушает и переводит взгляд на меня.

– В мой кабинет, – бросает мужчина жёстко и хлёстко.

И... идёт к кабинету генерального директора.

Глава 2

Я гулко сглатываю.

В висках тут же пульсируют звонкие слова Оливии: «Мой папа – самый главный!»

Я не восприняла её всерьёз. Да и как я могла понять, что отец девочки – наш новый Большой Босс?

Я быстро встаю, вмиг вспотевшими ладонями провожу по бежевой юбке выше колена, поправляю белый топ и большой пиджак в цвет юбки на плечах.

Мой взгляд цепляется за отражение в открытом карманном зеркальце на столе.

Макияж не съехал. Щёки только порозовели от волнения и лёгкого страха. И уложенные утром кудри на светло-русых волосах немного опали, заразы.

Но делать нечего.

Я быстренько иду в кабинет начальника.

Мужчина уже пересёк всё пространство и как раз садится в кожаное чёрное кресло за рабочим столом.

Оливия у него на руках. Она с улыбкой и любопытство смотрит на меня.

– Ваше имя, – низким, даже приятным чуть урчащим голосом требует мужчина.

– Лаверова Полина Олеговна, – называюсь я и вежливо спрашиваю: – А ваше?

Мужчина вскидывает на меня тяжёлый взгляд.

– Нас не знакомили, – чуть разведя руками, справедливо замечаю я.

Он едва заметно недовольно поджимает губы. Знает, что я права. И называется:

– Караев Михаил Аркальевич. Новый генеральный директор «Аркадии».

О как...

Я вежливо киваю, старательно сдерживая удивление.

Нет, я знала, что нас продают. Просто ждала какого-нибудь старичка, а не такого молодого красавчика.

– Я так понимаю, вы мой секретарь? – спрашивает Караев всё тем же твёрдым, по-деловому прохладным тоном.

Я бросаю взгляд на молча слушающую разговор Оливию и утвердительно киваю.

– Папа! – девочка изворачивается на руках у папы и заглядывает ему в лицо большими умоляющими глазками. – Тётя такая хоёсая!

Мои губы растягиваются в растроганной улыбке, а ребёнок добивает:

– Давай её домой забеём?

Я удивлённо вскидываю брови. Надо же, не думала, что я настолько Оливке понравилась. Приятно. Она такая забавная.

Я всё же нежно улыбаюсь ей и жду, когда Михаил Аркадьевич откажет дочери. Может быть, он объяснит, что нельзя просто захотеть и забрать незнакомого человека домой.

Но Караев медлит.

Я перевожу взгляд на него и слышу задумчивое:

– Я тоже об этом думаю.

У меня падает челюсть.

– Плавда? – радостно восклицает Оливия, улыбаясь широко и счастливо.

– Правда? – в шоке выдыхаю я, ушам не веря.

Я ожидала совсем не такого ответа!

– Григорий Вадимович дал на вас прекрасную характеристику, – произносил Караев, глядя мне в глаза.

Так значит, он заранее знал обо мне что-то. Бывший генеральный ему рассказал.

– Стрессоустойчивая, ответственная, исполнительная и находчивая, – перечисляет мужчина. – То, что надо. Вы нам подходите.

– Подхожу... в качестве кого? – настороженно уточняю я, невольно напрягаясь всем телом.

– В качестве няни, – огорашивает Караев.

Мой голос превращается в сип.

– Но я не няня. У меня аналитическое образование, а не педагогическое...

– Не имеет значения, – в его голосе появляются нотки раздражения. – Мне без разницы, на кого вы учились. Раз уж вы блестяще справлялись с должностью секретаря генерального директора, то один ребёнок не станет для вас проблемой.

Я в шоке опускаю взгляд на Оливию.

Она сидит у папы на руках и улыбается во все зубы. Прямо как акула, только очень милая.

Впервые этот ребёнок начинает меня пугать.

И от её отца я просто в шоке.

– У меня нет детей, – пытаюсь вразумить его я.

– Тем лучше, – а он во всём видит плюсы и выгоду для себя.

– Вы не понимаете. У меня никакого опыта общения с детьми.

– Оливия вас всему научит.

– Да! – звонко восклицает девочка. – Будешь жить с нами!

– Кстати, так действительно будет лучше, – подхватывает Михаил. – Сколько времени вам нужно, чтобы собрать вещи и переехать в наш дом?

Мой шок растёт семимильными шагами.

– Я никуда не поеду! – заявляю я уверенно. – Оливия, прости, но я не могу быть твоей няней. У меня работа и личная жизнь.

– Папа! – обижается девочка.

– Это не проблема, – не знаю, кому из нас Караев это говорит. – С этой минуты вы больше здесь не работаете.

Я в шоке округляю глаза. У меня от потрясения и чувства несправедливости нет слов.

– С личной жизнью, насколько я знаю, тоже проблем не возникнет, – продолжает Караев уверенно и невозмутимо. – Вы ведь недавно развелись?

Он смотрит мне в глаза. Без вызова, просто с непробиваемой уверенностью.

Он ведь из тех, кто привык любыми способами добиваться желаемого. Он из тех, кто легко манипулирует чужими жизнями.

Захотел секретаря в няни? Без проблем, её можно просто уволить.

Меня начало мелко трясти от злости и возмущения.

– Вы, наверно, хотите знать, сколько я буду вам платить, – так и не услышав от меня ни слова, решает мужчина. – Предлагаю оклад здесь, увеличенный в пять раз.

В моей голове тут же мелькают цифры...

Полмиллиона рублей. Он предлагает мне полмиллиона за услуги... няни!

Безумные деньги. Просто сумасшедшие!

В других обстоятельствах я согласилась бы без раздумий.

Но сейчас я стискиваю кулаки, встаю так ровно, что становится неприятно в спине, и говорю чётко и гордо:

– Нет.

– Вам мало? – он вскидывает бровь.

– Дело не в деньгах. Дело в вас. Если бы вы не вели себя, как хозяин мира, были бы чуточку вежливее и не уволили меня, чтобы склонить к согласию, то я могла бы подумать. Над вашим *предложением*, а не *ультиматумом*. Всего доброго, было крайне неприятно познакомиться!

Глава 3

– Полина! – кричит Оливия мне в спину. – Папа!

Караев что-то отвечает дочери, но я уже не слышу.

Я выбегаю из кабинета, громыхаю дверью и прыгаю к своему столу.

Нужно собрать вещи и уйти! Мне здесь делать больше нечего!

Напыщенный индюк! Вы посмотрите на него! Захотел – уволил. Причём вообще без причины! Только бы я была его няней!

Придурок!

Думал, что у меня не останется выбора и я соглашусь? Ага, щас! Меня таким не возьмёшь! И деньгами не купишь!

Зачем мне деньги, пусть и такие огромные, если ко мне будут вот так относиться?

Простое человеческое отношение, вежливость и уважение – если бы Караев ими обладал, наш разговор закончился бы совсем иначе.

Я вспоминаю, как он прямо при мне уволил ту женщину. Видимо, она была прошлой няней.

Он просто поставил её перед фактом увольнения. Он не дал ей и слова сказать. Он не позволил её вообще ничего, просто вышвырнул её вон.

А оно мне надо? Работать, жить у него в доме! И с ужасом ждать, что меня могут за что угодно выгнать!

Нет уж! Ни за что!

– Поина! – Оливия выбегает из кабинета и несётся ко мне. – Не зьись, пазяуста!

– Я не злюсь, Оливка, – я заставляю себя говорить спокойно и улыбнуться девочке.

– Я не хотела тебя зьить! – повторяет она с надрывом.

Я вглядываюсь в детское личико – и сердце болезненно сжимает, а моё лицо бледнеет.

Оливия в самом деле переживает. Очень сильно. На её лице страх, в огромных глазах блестят слёзы, губы трясутся.

Она смотрит на меня с бесконечной виной и раскаянием.

Мне дышать трудно от её вида.

– Ты чего?! – бледнея, я почти падаю на колени перед ней. – Оливка, нет причин так переживать!

Я автоматически, машинально тяну к ней руки. А она тут же ныряет ко мне в объятия.

Я перестаю дышать.

Девочка прижимается ко мне всем телом. Она изо всех сил сжимает мою шею, мне почти трудно дышать.

Её нос утыкается мне под подбородок. Я слышу, как она всхлипывает и сопит. Я чувствую её слёзы на своей коже. Я чувствую, как её всю трясёт.

Мне становится дурно и дико страшно.

Маленький ребёнок в истерике у меня в руках. А я понятия не имею, что сделать и как помочь.

Единственное, о чём я могу думать – её нужно успокоить.

Я сажусь прямо на пол, усаживаю девочку к себе на ноги.

– Ну вот, блёстки поплыли, – вздыхаю я, говоря спокойно и негромко. – А тебе когда-нибудь рисовали грим на лице?

Она громко всхлипывает, трёт глаза кулачками и качает головой.

Я слежу, чтобы блёстки со щёк не попали девочке в глаза.

– А ты видела, как рисуют на лицах мордочки животных? – спрашиваю я, а когда Оливка снова качает головой, я предлагаю: – Давай картинки покажу?

Прямо с ней на руках я тянусь к краю стола, где у меня лежит телефон. От натуги я кряхчу, и Оливка заливается звонким, но немного хриплым из-за слёз голосом.

– Ух ты, смотри, это лисичка! Ещё белочка и... наверно, это далматинец.

– Это коёва, – Оливка судорожно вздыхает и успокаивается. – А это тигл.

– А такую бабочку я тоже могу нарисовать.

– Плавда? А мне наисуешь?

Я опускаю голову, а девочка свою поднимает.

Наши взгляды сталкиваются.

Почему она так отреагировала, когда я ушла из кабинета? Она пришла, извинялась и повторяла, что не хотела меня злить.

Я не спец в детях, но, кажется, это не совсем типичное поведение.

Что случилось с этим ребёнком, раз она в истерике просит не злиться?

– Наисуешь? – повторяет она, огромными умоляющими глазами глядя мне в глаза.

Ох, Оливия...

Это нечестно. Что же ты делаешь?

– Оливка, понимаешь... – начинаю я и не знаю, как объяснить. – Я совсем не няня. Я не умею обращаться с детьми и боюсь, что не справлюсь с тобой. Я же не знаю, что и как надо.

– Я буду послушной! – горячо заверяет она.

– Дело не в тебе, – я улыбаюсь и легонько пунькаю её по носику кончиком пальца. – К тому же, если честно, твой отец меня очень обидел. Я не сержусь на тебя, не волнуйся. Но на него – да.

– Папа хоёсий, – уверяет удивительно умная девочка. – Пьёсто немного...

– Грубый, – заканчиваю я за неё с кивком и улыбкой. – Да, я заметила. Понимаешь, меня это не устраивает. Я не люблю, когда со мной вот так разговаривают. Захотел – и запросто уволил. Вы, говорит, переезжаете к нам.

Оливка сильно хмурится, обдумывая мои слова. Ну хоть не плачет больше, и то славно.

Краем уха я слышу слабый шорох. Не поворачивая головы, я бросаю взгляд в сторону кабинета генерального.

Мне хочется выругаться.

Караев стоит там, на пороге. И наблюдает за нами.

Я не знаю, когда он вышел. Я не слышала шагов. Возможно, он стоит тут с самого начала и вышел вслед за Оливией.

Я ужасно зла на него и не знаю, что делать и как себя вести.

Но тут Оливия снова подаёт голос.

– Ты отказываешь не потому, что я тебе не понлавилась?

Откуда столько серьёзности и сообразительности в этих тёмных глазках?

– Что? – удивляюсь я. – Нет, конечно нет! Оливия, ты просто очаровашка. Мне хочется тебя затискать!

Я в шутку начинаю её щекотать, и девочка тут же ёрзает ужом и громко звонко смеётся.

Я не сдерживаюсь и тоже смеюсь.

– Оливка, честное слово. Я бы хотела себе такую же дочку, как ты!

Горечь оседает на моих губах. В груди печёт от боли.

– Плавда? – девочка вся подбирается, тянется к моему лицу своим, заглядывает через глаза прямо в душу. – Тогда... ты будешь моей мамой!

Глава 4

Я в шоке смотрю на девочку.

– Олива... – мой голос не слушается. – Нельзя просить первую встречную незнакомую тётку быть твоей мамой.

– Ты не тётка! – смеётся она. – И не пелвая встлечная. Ты хоёсая! Ты лучше Снезанны...

– Оливия, побудь немного с Арсением, он уже поднимается, – Караев вторгается в наш разговор.

Он подходит, наклоняется и забирает ребёнка с моих колен.

Затем, выпрямившись, мужчина протягивает мне раскрытую ладонь.

Я машинально, не задумываясь, вкладываю пальчики.

Он просто тянет меня наверх. Легко и без напряжения, будто я ничего не весила.

Я встаю на ноги и поправляю одежду. А мужчина идёт к выходу из приёмной.

Несколько минут царит тишина.

Затем Михаил Аркадьевич возвращается. Оливии с ним уже нет.

– Давайте поговорим, – предлагает он с ощутимой усталостью в холодном голосе.

Он указывает на свой кабинет. Я тяжело вздыхаю, но всё же возвращаюсь туда.

Караев идёт за мной. Видимо, чтобы не убежала.

– Присаживайтесь, – разрешает он, мимо моего плеча указывая на одно из двух кресел для посетителей у стола.

Я иду и сажусь на самый краешек.

Мои мышцы покалывает от напряжения. Я насторожена и заранее готова к самому плохому.

Мужчина занимает место во главе стола, складывает руки на столешнице в замок, шумно вздыхает и после паузы говорит:

– Я прошу прощения за то, что был груб и обидел вас. Честно признаться, я уже давно не встречал людей, для которых собственное уважение важнее денег. Тем более, больших денег.

Я молчу, настороженно глядя на него.

Он тоже ненадолго замолкает, поднимает глаза и сталкивается со мной взглядами.

У меня будто электрический ток проходит по венам.

Я невольно вздрагиваю и хочу опустить взгляд, но заставляю себя смотреть на мужчину. Даже когда чувствую, что щёки розовеют.

Он какой-то... От него будто энергия исходит. Сильная, горячая, пульсирующая.

Я никогда прежде не чувствовала подобного.

– Скажите, как я могу получить ваше согласие?

Я тяжело вздыхаю и шумно выдыхаю.

– Дайте мне шанс, – криво улыбается он.

И моё сердце зачем-то начинает биться неровно.

У него такая улыбка... безумно красивая и обаятельная. Я хочу сопротивляться его магнетизму, но у меня очень плохо получается.

– Понимаете, – продолжает мужчина, ещё сильнее смягчая голос, – у Оливии сейчас большой стресс. Она, мягко говоря, не в восторге от моей будущей жены. Они не ладят. Оливия вредничает и капризничает. С ней не справляется ни одна няня. А у вас отлично выходит, я собственными глазами видел.

У меня уже почти нет сил сопротивляться его чарующему голосу.

– Михаил Аркадьевич, – я устало прикрываю глаза. – Это огромная ответственность. Я не знаю, как обращаться с детьми. А если я сделаю что-то не так?

– Вы не будете одна, – тут же говорит он. – Рядом постоянно будет охрана, плюс для вас я всегда буду на связи. Вы можете звонить в любое время по любому вопросу.

Я поджимаю губы и кисло смотрю на него.

Хороша будет няня за полмиллиона рублей, которая по каждому вопросу звонит работодателю.

– Вы серьёзно меня уволили? – спрашиваю я у него.

Он не хочет отвечать, молчит несколько секунд и уклончиво говорит:

– Работа секретаря будет мешать вашей работе няни.

– А если я всё-таки откажусь быть вашей няней? – дотошно уточняю я, просверливая взглядом дырку в его голове.

Он молча смотрит на меня. Караев даже не пытается ответить.

– Замечательно, – мрачно усмехаюсь я, поняв ответ по его молчанию.

Если я откажусь быть их няней – то мне придётся искать работу в другом месте.

Замечательная у нас смена руководства!

– Почему вы отказываетесь? – спрашивает он. – Только из-за своей неопытности? Я уже говорил, вы...

– Да-да, ответственная и находчивая, – перебиваю я.

Он замолкает и просто смотрит на меня в ожидании ответа.

А что я могу ему ответить?

Такие деньги мне даже не снились. И Оливия, если уж быть совсем честной, просто очаровашка. Я ни капли не приврала, когда сказала ей, что хотела бы такую дочь.

Она правда такая... я натурально влюбилась с первых минут нашего знакомства.

Но работа няней... Да я не умею!

Но и тут Караев прав. Бывший босс оставил на меня действительно хорошие характеристики.

В двадцать пять лет я безупречно справлялась с должностью секретаря нашей крупной фирмы. Если генеральный директор был главным лицом и принимал все важные решения, то я была тихим дирижером всей фирмы.

Я всё организовывала, согласовывала, продумывала. Благодаря мне тут всё не разваливалось.

Особенно заметны мои успехи в работе стали в последние три месяца. Как раз после развода и всего, что случилось перед ним...

От болезненных воспоминаний я ёжусь. Рука машинально тянется и накрывает живот.

Я ведь хотела перемен в жизни. И я всё равно собиралась накопить денег и уехать из этого проклятого города.

Подальше от этого проклятого человека...

Я гулко сглатываю. В животе всё скручивается болезненными спазмами. Мне дышать тяжело.

Будто всех предыдущих слов было мало, Караев решает меня добить.

– У Оливии нет мамы, – говорит он сухо, без каких-либо эмоций. – Она ушла от нас два года назад. Когда Оливия заплакала и побежала за вами... простите, что давлю, но это было очень похоже на тот вечер.

Внутри меня всё сжимается.

Я поднимаю голову и напряжённо смотрю на Караева.

Мне невыносимо даже представлять подобное, но мысли сами разлетаются.

Я вижу перед внутренним взором крохотную красавицу, которая плачет, кричит и зовёт маму. А та, холодная и безразличная, просто уходит, бросив родного ребёнка.

У меня дрожь по внутренним органам.

Я не могу даже представить, кем нужно быть, чтобы так поступить.

Если бы у меня был ребёнок – я бы отвернулась от всего мира, но только не от своего дитя.

Возможно, Караев специально сказал это, чтобы повлиять на моё решение.

Но после такого известия мне уже всё равно на его мотивы. Я могу думать только о больших глазках Оливии и её жалобном голосе, когда она просила меня не злиться.

Я на миг прикрываю глаза, разлепляю ресницы и смотрю в лицо мужчине, готовясь дать ответ.

Глава 5

– Хорошо, – выдыхаю я, смиряясь с неизбежным.

У меня всё равно не было выбора. Караев лишил меня его.

– Рад, – коротко произносит он с искренним едва заметным облегчением в голове.

Он действительно рад. Надо же.

– Водитель отвезёт вас домой, чтобы вы собрали вещи. Берите только необходимое. В моём доме всё есть. В ближайшее время вам на счёт поступит аванс. Все траты на Оливию осуществляйте с моей карты.

Он тянется к внутреннему карману пиджака, достаёт телефон и парочку банковских карт. Бегло глянув на них, Михаил достаёт одну и протягивает её мне.

– Лимита нет, – серьёзно, без бахвальства, добавляет он.

Я с трудом сдерживаю усмешку.

Конечно, она безлимитная.

С кем я связалась?

Я молча беру карту, поднимаюсь и выхожу. Караев не пытается меня остановить.

В своей приёмной я растерянно замираю. Не думала я, что меня уволят вот так быстро и легко. Надо с документами всё решить, плюс ввести в курс дела того, кто займёт эту должность после меня...

Я сохраняю все документы на компьютере, беру телефон, сумочку, меняю офисные балетки на уличные босоножки, кладу в плотный пакет обувь и одежду, которая была здесь на всякий случай.

– Полина! – радостно кричит Оливия, когда я выхожу в коридор.

Она с каким-то высоким мужчиной в чёрном костюме и галстуке ждёт слева на диванчике.

Девочка ловко спрыгивает на пол и несётся ко мне.

Я машинально приседаю и раскрываю руки.

Оливия без сомнений падает ко мне в объятия.

Она довольно тяжёлая, но я стараюсь не кряхтеть, когда беру её на руки и выпрямляюсь.

Удивительно. Мы с ней познакомились буквально полчаса назад. Как за такой короткий срок она могла успеть так меня полюбить?

Для меня это было поразительно, непонятно и очень приятно.

– Михаил Аркадьевич предупредил о вас, – приблизившись, вежливо, но прохладно говорит мужчина с лёгким кивком. – Я Арсений, ваш водитель.

– Полина, – называюсь я в ответ с натянутой улыбкой.

Он кивает, уже наверняка зная моё имя. И протягивает руку, чтобы забрать мой пакет с одеждой.

Теперь держать Оливию намного удобнее. А она и не собирается слезать, крепко обняв меня руками за шею.

– Едем к вам домой за вещами? – уточняет мужчина, разворачиваясь и указывая мне направление, в котором следует идти.

– Да, – отзываюсь я, – Оливка, пойдёшь ко мне домой за вещами?

– Да! – кричит она так радостно и звонко, что у меня рябит в ушах.

Я прикрываю глаза от шума и невольно смеюсь.

Странное чувство. Необъяснимое, но очень сильное и приятное.

Меня будто магнитом к этой девочке тянуло. Совсем не хотел её даже отпускать.

Мы спускаемся на лифте вниз, выходим на улицу и Арсений кнопкой на ключах открывает чёрную машину представительского класса с тонированными стёклами.

Мужчина открывает заднюю дверь для нас с Оливией, затем ставит рядом мой пакет и идёт за руль.

Он вбивает названный мной адрес в экран машинного планшета и едет по навигатору, пока я старательно пристёгиваю ребёнка в детском кресле, а потом пристёгиваюсь сама.

Оливия громко, весело и не всегда попадая в слова подпевает песням из мультиков, которые играют в машине. Видимо, водитель составил целый плейлист для этой девочки.

Я не могу перестать улыбаться, разглядывая её.

Минут через пятнадцать мы подъезжаем к хорошо мне знакомой девятиэтажке.

Я машинально, по привычке, оглядываю весь двор, и только потом отстёгиваюсь.

– И меня, и меня! – напоминает прыгающая от нетерпения девочка.

– Я подожду вас на улице, – решает Арсений.

Мы с Оливией за руку поднимаемся на лифте на шестой этаж. Я открываю все три замка на двери и впускаю ребёнка первой.

– Ого, ты тут живёшь? – она с любопытством разглядывает вполне неплохой ремонт.

Он сделан тут два года назад. Не последнее слово стиля и моды, конечно, но довольно минималистично и мило.

– Ну да, – я тоже оглядываюсь, закрывая дверь.

– Катинок не хватает, – авторитетно заявление Оливия.

А я ёжусь.

Правую ладонь пронзает фантомной болью. Она же обжигает мою левую лопатку.

– Тут были картины, – отзываюсь я, стараясь ничем не выдать своего состояния, – я их все сняла.

И выдрала гвозди из стен.

Фотографий в стеклянных рамках тут тоже не осталось. Здесь вообще больше никаких фотографий не было.

– Как-то тут пусто, – задумчиво тянет Оливия. – Ты, как и папа, всё влемя лаботаешь?

– Ага, – улыбаюсь я ей.

И иду собирать вещи.

Спортивная сумка летит на кровать. Со всем старанием и вдумчивостью я складываю самую необходимую одежду. Комплекты нижнего белья, пижаму, футболки, майки, пару штанов, две юбки и платье.

Места заканчивается очень быстро.

Во вторую спортивную сумку, размером поменьше, идёт несколько пар обуви и мои гигиенические принадлежности, отдельно упакованные в пакет.

Паспорт, кошелёк и зарядку от телефона я кладу в сумочку.

Хорошо, что у меня нет домашних животных. Да и цветов теперь не водится. Часть из них разбилась в тот страшный день, а остальные просто погибли, потому что я не могла за ними ухаживать.

Я вешаю одну сумку на правое плечо, вторую беру в правую руку. Закрываю квартиру, беру Оливию за руку левой ладонью и мы вдвоём идём к лифту.

Девочка без умолку трещит о том, что мне точно понравится их дом. Что она мне всё-всё покажет, особенно все свои игрушки.

Арсений идёт нам навстречу и без слов забирает мои сумки. Открыв для нас заднюю дверь, он убирает мои вещи в багажник, пока я пристегиваю Оливию.

Их дом находится прямо в городе, в одном из безумно дорогих частных секторов на холме на берегу реки.

Я с трудом держу рот закрытым.

Здесь пост охраны и забор по всему периметру сектора. У дома Караева высокий кованый забор и такие же ворота, которые разъезжаются, когда приближается наша машина.

Арсений заезжает на территорию и я вижу большой трёхэтажный особняк из белого камня. Перед входом большой каменный порог и колонны. Часть крыши занимает открытая терраса.

Кругом зелёный газон, а цветов совсем нет.

– Пошли сколее! – нетерпеливо зовёт Оливия и тащит меня за руку в дом. – Я тебе всё покажу!

Внутри я понимаю, почему она так разглядывала мою квартиру. Для девочки она выглядела, как какой-то старый сарай.

В их доме было полно пространства и света. Всё сверкало чистотой. Ремонт был модным и стильным, в основном белых, стальных и чёрных цветов.

Акцентами выступали детали вроде картин на стенах, ваз без цветов, подушек на диванах и мягких игрушек.

Мы бродили по дому добрый час. А потом ещёдва сидели в большой розовой спальне Оливии. Она знакомила меня со своими игрушками, которым не было конца и края.

– Я же тебе твою комнату не показала! – к моему счастью, вспоминает она.

И тащит меня в коридор, а оттуда в ближайшую дверь.

– Запомни, твоя комната – справа от меня! – очень серьёзно говорит она.

Я ответственно киваю, девочка добреет и жалобно говорит:

– Я есть хочу.

Мы с ней шлёпаем на громадную кухню. Пока я пытаюсь разобраться, что тут к чему, Оливка сидит за столом, весело болтает ногами и играет с двумя куклами.

Я уже почти заканчиваю с приготовлением ужина, когда на улице шуршат колёса машины. Через минуту дверь в дом открывается, ещё секунд через десять к нам входит Караев.

Вид у него напряжённый и озадаченный.

Глянув на дочь, он вонзает в меня немигающий взгляд и сурово требует:

– Что вы здесь устроили?!

Глава 6

Я растерянно моргаю.

– Оливия захотела есть... – бормочу я неуверенно.

Неужели мне нельзя было в кухню? Предупредил бы! Откуда мне знать-то?

Караев переводит взгляд на стоящие на столе блюда, бегло смотрит на Оливию и снова возвращает своё внимание мне.

– Наш доставляют еду из ресторана, – сухо говорит он.

– О... – выдыхаю я. – Вы не предупреждали.

– Я не думал, что вы умеете готовить, – отзывается он озадаченно.

Я медленно развожу руками, не зная, что сказать.

– Кушать! – требует Оливия. – Полина, ты сказала, что надо немного подождать, а я жду уже тли года! У меня сейчас будет голодный омболок!

Я прыскаю от смеха. Пытаясь сдержать веселье, я быстренько накладываю девочке всё, что приготовила.

Немного картофельного пюре, в которое я добавила крохотный кусочек свеклы. На вкус это почти не повлияло, зато масса приобрела весёлый розовый оттенок.

Две котлетки из куриного фарша в виде лапок животного. В шкафчике удачно нашлись формочки для выпечки, они меня на идею и навели.

И овощи. Кругляшки огурца в форме звёздочек, помидорки черри в виде сердечек и листья зелёного салата с нарисованными на них сметаной мордочками.

– Ух ты! – восклицает Оливия с неподдельным весельем. – Лозовое! Мой любимый цвет!

– Кукол мне, – я протягиваю руку, и девочка, поколебавшись, отдаёт мне игрушки.

Я просто усаживаю их на стул рядом с Оливией, пока она активно орудует вилкой, запихивая еду в рот.

Бедняжка. Совсем проголодалась.

– Вы будете ужинать? – я смотрю на застывшего в дверях Караева. – Или подождёте доставку?

В моём голосе – ноль издевки, но он всё равно опасно прищуривается, глядя мне в глаза.

– С удовольствием отведаю блюда, от которых моя избирательная дочь не воротит нос, – говорит он с выверенной дозой вежливости и издевки. И добавляет: – Обычно её не заставить поесть.

– Я не ресторан, – пожимаю я плечами, чувствуя лёгкое самодовольство.

Ха! Так-то! Оливка с радостью ест то, что я приготовила. Не ожидали, да?

Мне понравилось, что я умыла Караеву нос. Пусть и в такой малости.

Михаил уходит мыть руки, возвращается через несколько минут и садится во главе стола. Я ставлю перед ним тарелку и с трудом сдерживаю улыбку, когда мужчина озадаченно смотрит на розовое пюре.

Оливия весело хихикает, активно жуя котлетку.

– А вы ужинать не будете? – спрашивает мужчина, вскинув тёмную бровь.

Надо же, барин дозволил сесть с ним за один стол.

Я беру тарелку, накладываю себе и сажусь напротив Оливии.

Она вдруг весело мне подмигивает, пока хрустит огурцом.

А Караев говорит:

– Я бы хотел обсудить с вами некоторые моменты, Полина Олеговна.

– Можно просто Полина, – разрешаю я беззаботно.

Мужчина поднимает на меня тяжёлой взгляд.

Чуть не подавившись котлеткой, я торопливо добавляю:

– Но на «вы».

Тень улыбки скользит по его тонким губам.

– Завтра утром, Полина, – уточняет он, называя меня как-то очень уж выразительно.

Я ответственно киваю.

Ужин проходит довольно мирно. Семейство Караевых хвалит мои кулинарные таланты. Оливия – просто самим фактом того, что ест. А вот Михаил на эпитеты не скупится и так и говорит:

– У вас явно талант к кулинарии. Вышло безупречно.

– Я рада, что вам понравилось, – я сияю, как новенькая монетка.

После ужина я быстренько загружаю посудомойку и иду играть с Оливией.

Оказывается, детские игры – это довольно увлекательно. Особенно, если больше делать нечего и ты включаешься.

После игр мы, жутко уставшие, идём умываться, а потом я укладываю Оливию спать. Она просит рассказать ей сказку, а я как назло ничего не помню. Зато с фантазией у меня полный порядок.

Восторженная и напитанная эмоциями, девочка засыпает.

Я выскальзываю из её спальни и сворачиваю сразу направо.

У этой спальни выход в ванную комнату.

Я уже так устала, что ни на что не обращаю внимания. Иду в душ, прихватив вещи из сумки, которую оставила в кресле у окна ещё днём.

Последние силы уходят на то, чтобы надеть пижаму.

Не открывая глаз, я иду в комнату, падаю на огромную кровать, кутаюсь в одеяло и мгновенно засыпаю, удивлённо думая о том, что простыни пахнут Караевым...

И резко просыпаюсь, когда кто-то большой и явно мужского пола пытается забраться в мою постель!

Глава 7

– Господи! – взвизгиваю я, подпрыгиваю и натягиваю одеяло по самую шею.

– Проклятый!.. – ругается кто-то мужским голосом.

Сквозь глухую ругань и проклятья я слышу:

– Какого чёрта ты делаешь в моей спальне?!

Я узнаю голос. Это Караев!

– Меня сюда Оливия привела! – сиплю я, вжимаясь лопатками в матрас, судорожно сжимая одеяло и боясь пошевелиться. – Она сказала, что эта спальня пустая!

Тишина. Звенящая, зловещая, очень-очень недобрая.

У меня от шока мозги отказали.

– Это ваша спальня, да? – шепчу я испуганно.

– Нет, у меня Альцгеймер и я потерялся в собственном доме! – шипит Караев с неприкрытым сарказмом.

Но он всё же успокаивается и, стоя где-то слева от кровати в кромешной тьме, холодно и властно приказывает:

– Поднимайтесь, я отведу вас в свободную спальню.

Я тут же выскальзываю из постели и судорожно пытаюсь натянуть шортики для сна хотя бы до колен.

Караев выходит из спальни, я следую за ним. Далеко уходить не приходится, он подводит меня к двери напротив своей.

Мужчина нажимает на ручку, толкает дверь и указывает мне в темноту.

– Вот, – говорит он холодно, со скрытым бешенством.

– Тихо, – машинально шепчу я, – Оливия проснётся.

Ничего не говоря, мужчина разворачивается на месте, возвращается в свою спальню и закрывает дверь. Я всё жду, что он её громыхнёт, но нет, он закрывает её аккуратно. Хоть и плотно.

В новой комнате постельное пахнет гелем для стирки, а не Михаилом.

С этой мыслью я и засыпаю.

А когда утром я открываю глаза, то первым делом вижу свои сумки с вещами, стоящие на кресле. Я их точно оставила у Караева вчера.

От воспоминаний о том, что случилось ночью, мне становится невыносимо жарко и стыдно.

Боже! Ну, Оливия...

Я выпрыгиваю из постели, привожу себя в порядок в ванной, которая имелась и в этой комнате тоже, переодеваюсь и крадусь в кухню.

Все спят.

Я успеваю приготовить яичницу с курицей и овощами и оладушки с шоколадной начинкой как раз к тому моменту, как Караев спускается на кухню.

– Довольно странно чувствовать запах еды в этом доме, – вдруг сознаётся он, остановившись на пороге.

Я оборачиваюсь, бросаю на него взгляд и неловко улыбаюсь.

– Простите, вы хотите, чтобы я больше не готовила?

Задумчивая тишина и честное:

– Наоборот.

В этот раз моя улыбка выходит куда шире и довольнее.

– Я хотел поговорить, – напоминает он, не спеша ко мне приближаться.

Не глядя на него, я чувствую его изучающий взгляд, скользящий по мне сверху вниз.

– Я вас слушаю, – заверяю я, – кофе?

– Не откажусь.

Я ставлю две кружки к кофемашинке и озадаченно смотрю на россыпь кнопочек.

Их тут штук двадцать. Куда тыкать?

– В первую очередь вам стоит уделять внимание Оливии, во вторую дому, – Михаил приближается, встаёт за моей спиной, протягивает руку мимо моего плеча и нажимает на пару кнопочек.

Я вздрагиваю, а машинка оживает и начинает молоть зёрна, чтобы сделать две порции кофе.

Я не могу нормально дышать, а мышцы деревенеют и не слушаются.

Я остро ощущаю, что Михаил стоит за мной.

От него будто горячие пульсирующие волны исходят. Они заставляют меня слабо вздрагивать и судорожно пытаться вернуть себе самообладание.

– Вам следует заниматься её воспитанием, досугом, питанием, а также всюду сопровождать Оливию. Исключением будут мои личные встречи с дочерью, о которых я буду уведомлять вас заранее. Можете представить, – он замолкает на миг, подбирая слова, а я пытаюсь просто дышать, – что вы теперь своего рода родитель для Оливии. Вы несёте за неё полную ответственность, когда она с вами. Это ясно?

– Да, – мой голос не слушается.

Я собираю всю волю в кулак и отхожу на три шага влево, а потом разворачиваюсь и с безопасного расстояния смотрю на мужчину.

Он буравит меня взглядом.

Мне кажется или его глаза стали ещё темнее? Теперь они были абсолютно чёрные.

– Чудесно, – говорит он с непонятными мне эмоциями.

Мы слышим детские шаги на лестнице.

Я безумно рада появлению Оливии.

Малышка входит в кухню, волоча плюшевого белого медведя за переднюю лапу, трёт глазик кулачком и сонно смотрит на нас.

– Завтра готов, – улыбаюсь я.

– Доброе утро, – вторит мне Караев.

Он уезжает на работу сразу после завтрака.

Мы с Оливией остаёмся вдвоём в огромном доме. Правда, она говорит, что на улице в охранном доме есть водитель Арсений и двое охранников Филипп и Матвей.

Но в самом доме – только мы. Даже прислуги никакой нет.

Я понятия не имею, как обращаться с детьми. И утром, пока готовила завтрак и пока мы ели, я успела прочитать десяток статей о работе няни и воспитании ребёнка.

– Оливка, а у тебя есть расписание дня? – спрашиваю я.

– Да! – важно отвечает девочка. – Утлом я кушаю, потом иглаю, потом смотлю мультики, опять кушаю, гуляю...

Ага, понятно. Расписания нет.

Пока Оливия в своей комнате расставляет мебель в домике принцессы, я сижу рядом на крохотном деревянном стуле за маленьким столом и составляю ей импровизационное расписание.

Указываю примерное время пробуждения и отхода ко сну, приёмы пищи, часы прогулки.

Достав телефон, я немного колеблюсь, но всё же пишу Караеву:

«Оливия ходит на какие-нибудь кружки или секции?»

Он отвечает через пару минут скупым:

«Нет.»

Удивительно. У её отца всё расписано по минутам, а сама девочка живёт как попало.

Я уточняю у Караева, можем ли мы поехать в город и чем-нибудь себя занять. В ответ получаю столь же немногословное «Да.»

Ну и замечательно.

Мы собираемся, берём Арсения и едем в город. Я как раз нашла в интернете одну мастерскую по лепке из глины. Ближайшее занятие у них начнётся через час.

Мы приезжаем вовремя.

И весело проводим следующие три часа с другими детьми, их родителями и доброжелательными преподавателями.

По итогу у нас получились две корявенькие кружки, которые разрешили забрать через неделю после обжига.

Жутко довольные и весёлые, мы с Оливкой забегаем в магазин за соком в стеклянных бутылочках и идём к машине, бурно обсуждая, чем займёмся дальше.

Я в последний момент замечаю человеческую тень.

Скрытый чёрной одеждой мужчина выбегает из-за угла ближайшего здания, подбегает к нам и... пытается схватить Оливию!

Глава 8

У меня всё внутри леденеет от страха.

Мне в жизни не было так страшно, как в ту секунду!

Я отчётливо вижу, как незнакомец наклоняется и тянет руки к Оливии, пытаясь схватить её.

Я не успеваю осознать ситуацию и обдумать свои действия.

Я резко разворачиваюсь, тяну ребёнка на себя, а второй рукой коротко замахиваюсь и изо всех сил опускаю стеклянную бутылку негодяю на голову.

Глухой странный звук бьёт мне по ушам.

Я вижу, как во все стороны разлетаются стеклянные осколки, а незнакомца заливает оранжевым соком.

Он громко охает, отступает, хватается за голову.

Моё сердце дико колотиться о рёбра и виски. Я всё ещё чувствую обжигающую опасность.

Вновь не раздумывая, я прыгаю вплотную к облитому уроду, сгибаю коленку и резко ударяю его между ног.

Он орёт и падает.

– Оливия! – на нас налетает водитель, быстро проверяет целостность ошеломлённой девочки, со священным страхом смотрит на меня и переводит взгляд на валяющегося негодяя. – В машину, обе, живо!

Ни у меня, ни у Оливии нет ни малейшего желания спорить.

Мы почти бежим к машине и закрываемся на заднем сидении.

Двумя дрожащими перепуганными зайцами мы прижимаемся друг к другу. Оливка плачет и подвывает от страха, который с запозданием, но всё же накрыл её.

У меня у самой мышцы выворачивает наизнанку. Клокочет адреналин. В голове пелена, но при этом я ощущаю всё вокруг чётко и ясно.

Я вижу, как Арсений приседает перед тем уродом и сковывает ему руки наручниками за спиной. Откуда у него наручники?

Вокруг мужчин собирается толпа. Кто-то снимает, кто-то говорит по телефону. Наверно, полицию вызывают.

Арсений тоже достаёт телефон и звонит.

Только точно не в полицию.

Михаил прилетает сюда через двенадцать минут. Его машина с визгом тормозит рядом с нашей. Он вылетает на улицу и подбегает к Арсению.

Лицо Караева искажено страхом и напряжением.

Он что-то требует, и Арсений указывает ему рукой на машину.

Через секунду Михаил уже распахивает заднюю дверцу.

– Папа! – Оливия тянет к нему руки и тут же оказывается прижата к телу отца.

– Девочка моя, – со страхом и одновременно облегчением шепчет он, оглядывая, ощупывая и целуя дочь. – Ты цела? Ты не пострадала?

– Всё нолмально, – я к тому моменту уже успела её немного успокоить и убедить в том, что всё в порядке.

Я тоже тихонько выбираюсь на улицу, встаю у машины, кривлюсь и опускаю взгляд вниз.

На мне летнее бело-голубое платье, открывающее ноги. Так что хорошо видно, что моя коленка испачкана засохшей кровью.

Должно быть, когда я ударила того урода, то попала по осколку стекла. Отсюда и порез.

– Что случилось?! – накидывается Караев на меня.

Я растерянно смотрю на него, пожимаю плечами, развожу руками и смотрю на Арсения. Он всё ещё стоит рядом со связанным уродом, лежащим на земле.

– Полина ему вмазала! – вдруг с восторгом восклицает Оливия.

Я вздрагиваю и мы с Михаилом вдвоём смотрим на девочку.

В этот момент подъезжает полиция.

Караев даже не пытается отпустить Оливию, так и ходит с дочерью на руках.

Мужчины в форме опрашивают Арсения, меня, свидетелей.

И вместе с Караевым складывают слова в единую картину.

Незнакомец в чёрном увидел нас, выбежал из-за угла здания и попытался выкрасть ребёнка прямо у меня из рук. Я фактически выдернула Оливию из лап похитителя, разбила о его голову бутылку и вмазала мерзавку коленом между ног.

Мужчины с каким-то одинаковым опасением смотрят на меня. Для всех становится очевидно, откуда кровь на моей коленке.

И, как издевательство, в повисшей тишине звучит довольный голос Оливии:

– Полина клутая!

– Пошли в машину, клутая Полина, – приказывает Караев.

Полиция без вопросов отпускает нас.

Сам Михаил немного успокаивается и смягчается. Не знаю, замечает ли он сам это.

Мужчина открывает для меня дверь неожиданно на переднее сидение и сам пристёгивает Оливию в детское кресло.

– Я вас недооценил, – говорит он, занимая водительское место и уезжая с места преступления.

– Я сама в шоке, – заверила я искренне.

Михаил немного молчит и говорит:

– Теперь будете ездить с охраной.

У меня ни малейшего желания возражать.

До меня только сейчас в полной мере доходит: Оливию пытались похитить. Прямо у меня из рук.

Если бы не моя неожиданная реакция... если бы у меня в руке не оказалось бутылки с соком, то девочку просто выдернули бы у меня из рук.

Я ёжусь и начинаю дрожать от этой страшной правды.

Что и кому сделал ребёнок?

Ответ находится мгновенно.

Не ребёнок. Дело в Караеве.

Не нужно быть гением, чтобы понимать, на каком социальном уровне находится этот мужчина. Вспомнить хотя бы его дом, водителя, охрану. Безлимитную карту. То, что он целую фирму запросто выкупил.

Кто-то точит зуб на Караева.

И, уверена, таких людей сильно больше одного.

Он лично отвозит нас домой, вместе с нами заходит внутрь и останавливается.

– Михаил Аркадьевич, а почему вы не предупредили, что сегодня приезжать не нужно? – спрашивает худенькая незнакомка лет пятидесяти в серо-голубом платье с белым передником и убранными волосами.

– Почему не нужно? – не понимает Караев.

– Ну, дом уже убран, – поясняет она, обводит пространство печальным взглядом, пожимает плечами и просто идёт мимо нас на выход.

Караев поворачивается вслед за ней, провожая её взглядом, а потом вонзает его в меня.

– Откуда я знала, что у вас клининг? – справедливо спрашиваю я. – Вы сказали, что я слежу за ребёнком и домом. В следующий раз будьте добры уточнять!

– Я уточнил, – цедит он почти сквозь зубы. – Я утром сказал, что в первую очередь вам следует уделять внимание моей дочери.

– А во вторую – дома, – добавляю я, кивая. – Да, вы так и сказали. Что я сделала неправильно?

Он просто стоит и смотрит на меня. Как мне кажется, немного в шоке.

Я забираю Оливию у него из рук и вместе с девочкой ухожу мыть руки после улицы.

Весь следующий день мы с мужчиной не пересекаемся. Он поздно вечером возвращается домой и уезжает на работу рано утром.

Мне так даже лучше и спокойнее, честное слово.

Я ответственно придумываю для Оливии развивающий досуг и пытаюсь налаживать её расписание.

На следующий день мы с ней собираемся поехать по магазинам, когда мне звонит Караев собственной персоной.

Не утруждая себя приветствием, он сухо и прохладно говорит:

– Отправляйтесь в свадебный салон «Под венец». Оливию ждут там, чтобы примерить платье на церемонию. Вас встретит Снежанна, моя невеста.

Глава 9

– Я не хочу туда! – вредничает Оливия, надувая губки и сердито пыхтя.

Знаю, милая. Я тоже жутко не хочу ехать в свадебный салон и встречаться с будущей женой твоего отца. Я до ужаса этого не хочу!

Но какой у нас с тобой выбор?

– Твой папа просил приехать, – напоминаю я уже в десятый раз, стараясь быть мягкой. – Мы тут на чуть-чуть. Давай потом съездим в магазин и что-нибудь купим?

– Молозеного! – тут же называет свою цену малышка.

– Договорились, – я улыбаюсь ей, чтобы подбодрить.

И старательно сдерживаю внутреннюю дрожь.

Свадебный бутик «Под венец» прямо перед нами. В магазине огромные окна, роскошные платья на витринах, а вход украшен аркой из белоснежных цветов.

Это заведение выглядит безумно дорого даже с улицы. Страшно представить, что ждёт нас внутри.

Я открываю дверь, и мы с Оливией заходим. Следом за нами тенью идёт Максим, один из двух приставленных к Оливии телохранителей.

Мужчина остаётся у входа, дальше идти ему нет смысла.

А вот у нас с Оливией нет выбора.

– Оливия! – притворно радостно восклицает какая-то женщина.

Их перед нами шесть штук. Трое в одинаковых серых костюмах – явно работницы салона.

Вид троих остальных так и кричал о богатстве и роскоши.

У одной копна мелких тёмно-рыжих завитков и изумрудное платье, больше подходящее романтическому вечеру в ресторане, а не прогулке среди белого дня по городу.

У второй строгое чёрное каре чётко по линии подбородка. Взгляд резкий, словно режущий, лицо суровое. На ней коричневая замшевая мини-юбка и белый топ.

Последняя выглядит роскошнее всего. У неё плавные локоны жемчужного оттенка, красивое лицо с острыми скулами и точно уколотыми губами. Фигура элегантная, в уместном лёгком, но элегантном платье кофейного цвета.

Именно она растягивает губы в насквозь фальшивой улыбке, слегка приседает на согнутых коленях и тянет руки к Оливии, предлагая прибежать к ней в объятия.

Оливия молча жмётся ко мне, сильнее сжимает мои пальцы и говорит вежливо, но холодно, совсем как её отец:

– Здлавствуйте.

– Ой, какая милая! – тут же расплываются работницы бутика и подружки Снежанны.

И никто не видит, как блондинка кривит губы и окидывает девочку нетерпимым взглядом, разгибаясь и вставая нормально.

– Добрый день, – вежливо здороваюсь и я. – Меня зовут Полина, я няня Оливии. Михаил Аркадьевич сказал, что нам нужно приехать и что-то примерить.

Оливку тут же окружают и под восторженный щебет уводят переодеваться. Она не сопротивляется, только недовольно дует губки и напоследок бросает на меня взгляд.

– Так ты новая няня Оливии? – Снежанна неторопливо приближается, выгибает бровь дугой и окидывает меня придирчивым взглядом.

Не реагируй, Полина. Вы здесь ненадолго.

– Верно, – я сохраняю безупречную вежливую улыбку.

Чего, очевидно, не умела делать сама Снежанна.

На вид ей лет двадцать восемь. Или около того. А Михаилу вроде около тридцати или немного больше.

– Сразу хочу предупредить, – она встаёт рядом со мной, складывает руки на груди и смотрит в ту сторону, куда увели Оливию. – Можешь не раскатывать губу и ни на что не надеяться.

Какое интересное знакомство. Я, признаться, другого и не ожидала.

– Я няня Оливии, – повторяю я, не допуская ни грамма раздражения в голос.

– Я знаю таких, как ты, – усмехается Снежанна. – Увидела свободного обеспеченного мужика и решила, что можешь прибрать его к рукам. Так вот, не можешь. Михаил мой, и женится он только на мне. Тебе ясно?

Мне нужно было просто кивнуть. Просто кивнуть.

Но я открываю рот.

– Вы убеждаете в этом меня или себя?

Я тут же прикусываю язык, но уже поздно.

Снежанна неприязненно усмехается.

– Я рада лишь в том, что не ошиблась на твой счёт, – цедит она так сладко, что становится горько. – Можешь паковать вещи. Считай, что больше ты на Караева не работаешь.

Я бы, может, и рада ответить, но по салону разносится злой надрывный крик Оливии:

– Не буду! Убелите!

Я тут же шагаю в сторону её голоса, мгновенно напрягаясь.

Оливия, заметно растрёпанная и в криво сидящей майке, выбегает из примерочной и несётся ко мне.

Я машинально приседаю, и девочка падает ко мне в объятия.

– Что такое, зайка? – спрашиваю я обеспокоенно и внимательно, гладя её по спине.

Она вся дрожит. И крепко-крепко обнимает меня за шею.

– Давай уйдём! – требует она дрожащим голосом. – Я не хочу платье! Она мне не нлавится!

Я цепляюсь за это «она». Не «оно», платье. Она говорит про Снежанну.

– Папа просил, – напоминаю я, пока все вокруг молча смотрят на нас. – Давай быстренько примерим платья тут, а потом поедем и купим те, которые тебе понравятся?

– Не хочу! – противиться девочка.

– Оливия, как ты себя ведёшь? – строго выговаривает Снежанна.

Я слышу её голос у себя над плечом и с трудом сдерживаюсь, чтобы не скривиться.

– Отстань! – грубо велит ей ребёнок.

– Да как ты смеешь? – психует Снежанна. – Твоя няня не научила тебя вежливо разговаривать со старшими? В кого ты такая хамка?

Оливия вся сжимается и явно готовится послать Снежанну куда подальше.

– Не давите на неё, – прошу я твёрдо. – Неужели вы не понимаете, какой стресс для Оливии эта свадьба?

– Стресс для Оливии! – повторяет она, всплеснув руками. – А я? А для меня это не стресс? Всё организовать, продумать, сделать. Так ещё и с невоспитанным ребёнком возиться! Оливия, ты могла бы быть чуть более благодарной!

Мне уже самой хочется её послать.

– Оливка, – зову я тихонько, чтобы услышала только девочка, – пойдём вместе платье примерим? Нас отсюда всё равно живыми не выпустят...

Оливия отстраняется, заглядывает мне в глаза и с надеждой спрашивает:

– Ты тозе платье помелишь?

Снежанна пыхтит за спиной, но остальные ждут результат наших переговоров.

Я киваю Оливии, улыбаюсь и спрашиваю:

– Выберешь для меня что-нибудь?

Ей не нужно предлагать дважды. Она тут же маленьким вихрем начинает носиться по салону, критически оглядывая наряды.

Работницы понятливо ходят следом. Через пару минут они даже начинают ей что-то советовать и подсказывать.

Снежанна показательно психует, отходит и плюхается на диванчик у окна. Её подружки присоединяются. Им приносят что-то в бокалах и фрукты.

– Нашла! – радостно кричит Оливия минут через десять.

Она прыгает от восторга и нетерпения, пока работницы салона с немного неловкими улыбками держат белоснежное свадебное платье.

У меня нет выбора. Раз уж обещала тоже что-то примерить, надо держать слово.

В этот раз я сама помогаю Оливии надеть платье. Оно белоснежное и очень нежное, вроде простое, с длинной юбкой и короткими рукавами-фонариками. Но такое красивое!

Мы все не можем оторвать от неё глаз.

Одна из работниц бутика помогает мне надеть выбранное Оливкой платье.

Я выхожу под всеобщие взгляды, вижу себя в зеркале и удивлённо выдыхаю.

У Оливии явно есть вкус.

Оно из белоснежного шелка, обнимает точно по фигуре, к ногам падает грациозными складками. У него нет рукавов, а вырез не делает грудь вульгарно открытой. Наоборот, он её аппетитно подчёркивает. Лямок тоже нет, оно на корсете.

Безумно красиво.

– Ва-а-ау! – тянет Оливия с восхищением. И выдаёт: – Тебе нужно выйти в нём за папу!

Мы все замираем, перестав дышать.

А девочка без задней мысли меня добивает:

– Полина, а почему ты не стала с папой спать?

Глава 10

Звенящая тишина опускается на свадебный салон.

Я чувствую, как твердеет от напряжения воздух и как все присутствующие боятся сделать даже вдох.

В этой тишине отчётливо звучит тихий взбешённый голос Снежанны:

– Что ты сказала?

Всё. Хана.

Это так очевидно, что мне становится страшно за свою жизнь.

Оливия... ну кто просил тебя это говорить?

– Ты спала с моим женихом?! – взвизгивает Снежанна, подпрыгнув и яростно взмахнув кулаками.

У неё такой взгляд, будто она пытается испепелить меня на месте.

– Что вы, конечно нет! – торопливо оправдываюсь я. – Просто случилась небольшая путаница...

– Измены теперь так называются?! – орёт она, и не думая успокаиваться.

– Никто ни с кем не спал! – я повышаю голос, чтобы перекрыть её крик. – Оливия вообще не в том значении это сказала!

– Я тебя убью! – вопит Снежанна, топает ногами и дёргается в мою сторону.

Её удерживают подружки.

– Успокойся, Снежа, девочка просто ошиблась... – тараторят они.

– Убью! – вопит эта фурия.

Оливия в страхе округляет на неё глаза и вся сжимается.

Я подскакиваю к ребёнку, хватаю её за руку и утаскиваю в примерочную, бросив взгляд на Максима. Телохранитель понятливо приближается и загораживает дорогу к нам своей грудью.

– А что я сказала? – искренне не понимает Оливия, пока я стягиваю с неё платье и надеваю обратно юбку и майку.

– Проблема не в тебе, – тихо и быстро шепчу я, отворачиваюсь от девочки и кое-как выползаю уже из своего платья. – Просто Снежанна... у неё перед свадьбой нервы сдают. Наверно.

– Она всегда олёт, – недовольно жалуется Оливка, складывая ручки на груди и надувая губки. – Я не хочу, чтобы она олала в нашем доме.

Да уж, не позавидуешь ребёнку.

Я оставляю платья прямо в примерочной, беру Оливию на руки, собираюсь с духом и выхожу.

– Ты уволена! – орёт Снежанна, едва завидев меня. – Ты в этом городе больше нигде работу не найдёшь! Поняла меня, дрянь малолетняя?!

– Не выражайтесь при ребёнке, – холодно прошу я, быстро идя на выход.

Макс идёт вплотную со мной. Рядом с ним не так страшно.

Да что там, меня даже тот неудавшийся похититель испугал не так сильно, как сейчас эта... Снежанна!

Мы вырываемся из бутика, почти бежим к машине и быстро залезаем внутрь.

– Ходу, – бросает Максим Арсению.

Понятливый водитель тут же отъезжает и уносит нас прочь.

– Ты обещала магазины, – напоминает Оливка.

Я покорно называю водителю один из торговых центров.

Мы с Оливией долго и неторопливо гуляем по магазинчикам. У нас уходит около получаса, чтобы относительно успокоиться.

Мы берём что-то из вещей мне и обещанные платья Оливке.

Потом зарываемся в книжный. Оливия разглядывает настольные игры для детей и раскраски, а я просматриваю литературу по воспитанию детей.

Слова Снежанны о том, что я уволена, я не восприняла всерьёз. Она мне кто? Я не на неё работаю.

Как Караева угораздило связаться с такой ревнивой истеричкой? Тут должна быть сильная любовь, иначе я ничего не понимаю.

Почему-то от этих мыслей неприятно зудит в лопатках и крутит в животе.

Наверно, мне просто жаль Оливию, которая совсем не хочет, чтобы Снежанна становилась частью их семьи.

Мы с Оливком расплачиваемся за покупки и выходим из книжного, когда у меня звонит телефон. Руки свободны, Максим забрал пакеты, а Демьян, второй охранник, ненавязчиво следит за нашей безопасностью.

Я смотрю в экран и слегка ёжусь.

– Да, Михаил Аркадьевич, – отвечаю я вежливо, невольно бросая взгляд на Оливку.

Девочка шла и разглядывала большую коробку комнатных экспериментов.

– Полина Олеговна, – начинает Караев холодно и официально, – объясните, пожалуйста, почему моя невеста звонит в истерике и требует вашего увольнения?

Даже не знаю. Может, потому, что она неуравновешенная истеричка?

– У вашей невесты предсвадебный мандраж, – уверенно отвечаю я.

Караев мрачно молчит.

Я давлю вздох и негромким голосом рассказываю ему обо всём, что произошло в свадебном бутике.

О том, что Снежанна говорила мне наедине, я молчу. Рассказываю лишь о поведении Оливии и её словах, а после – о реакции Снежанны на это всё.

– Ясно, – мрачно произносит мужчина.

– Вы меня уволите? – на вс

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.